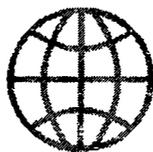

Под редакцией Бориса Румера

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И
ЮЖНЫЙ КАВКАЗ**

Насущные проблемы

2003

Алматы
2003

ББК 65.5

Ц 37

Ц 37 Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы – 2003. – Алматы. ТОО «East Point», 2003. – 388 с.
(Сборник аналитических статей).

Данное издание продолжает начатую в предыдущем сборнике публикацию статей, написанных в рамках проекта Фонда мира Сасакавы и освещающих важные аспекты политической и социально-экономической действительности в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Работа по проекту приобретает все больший размах, охватывая новые проблемы и привлекая все новых участников из числа ведущих экспертов из стран региона. Статьи Оксаны Резниковой, Дины Малышевой, Армена Егиазаряна, Фуата Расулова, Владимира Папавы, Марата Тазабекова и Алины Сагинбаевой были представлены в виде докладов на проведенных в рамках проекта конференциях в Куала Лумпур, Москве и Тбилиси.

Содержание статей охватывает такие темы, как место стран региона в современной сложнейшей геополитической ситуации, их ответы на вызовы глобализации, проблемы стабильности и улучшения межстрановых отношений, анализ устойчивости наметившейся положительной макроэкономической динамики, соответствие экономической политики упрочению институтов рыночной экономики и созданию условий для развития свободного предпринимательства, проблемы, связанные с привлечением иностранных инвестиций, с необходимостью совершенствования экономической структуры и перераспределения ресурсной ренты, недостатки практики местного самоуправления и разработка модели его оптимизации.

Цель проекта – всемерно способствовать социально-экономическому прогрессу в странах региона. И этой цели служит данная публикация, задача которой обнажить ключевые проблемы, возбудить вокруг них конструктивную дискуссию и предоставить возможность высказаться ее участникам.

Авторы – ведущие эксперты Америки, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, России и Узбекистана.

Мнения, высказанные в статьях, отражают исключительно взгляды авторов и не обязательно совпадают с позицией ТОО «East Point».

ББК 65.5

Ц 37

ISBN 9965-00-860-4

Ц 0604000000

От редактора

Введение. Борис Румер 5

Политическая ситуация

Дина Малышева. Центральная Азия и Южный Кавказ
в «постиракском» геополитическом контексте 20

Вадим Дубнов. Южный Кавказ: миф и драма 57

Александр Рондели. Россия и Грузия: асимметричное
соседство 99

Экономика

Оксана Резникова. Перспективы притока прямых
иностраннных инвестиций в экономику государств
Центральной Азии и Кавказа 115

Станислав Жуков. Кыргызстан и Узбекистан:
итоги первой декады независимого развития 129

Арыстан Есентугелов. Дуализм в развитии экономики
Казахстана: структурно-инвестиционные аспекты
ее модернизации 168

Нанат Оспанов. К вопросу о Национальном фонде
и бюджете развития Казахстана 218

Нанат Оспанов. Перспективная модель местного
управления для Казахстана 231

Армен Егиазарян. О стратегии устойчивого экономическо-
го развития Армении на долгосрочную перспективу 240

Эшреф Трушин. Узбекистан: торговая либерализация? 266

Теймураз Беридзе, Владимир Папава. Об основных макро-
экономических тенденциях Грузии в 1995 – 2002 годах 307

Владимир Папава. Об основных причинах
«затягивания» переходного периода в Грузии 324

Марат Тазабеков, Алина Сагинбаева. Слабый и
неэффективный аграрный сектор как зеркало
кыргызской экономики 340

Фуат Расулов. Социально-экономическая ситуация
и перспективы экономического развития Азербайджана 370

 Владимир Папава

Об основных
причинах
«затягивания»
переходного периода
в Грузии

1. Постановка вопроса

Крах коммунистического режима в странах Восточной Европы и СССР, а также распад последнего являются основными историческими событиями конца XX столетия (например, Stiglitz, 1992, p. 137), которые могут рассматриваться как глобальный процесс перехода к рынку (например, Berend, 1994) и которые по масштабам могут сравниться с Великой депрессией 30-х годов прошлого века (например, Автономов, 1996, с. 11) либо с реконструкцией Европы после Второй мировой войны (например, Fischer, Frankel, 1992; Sachs, 1992). Неудивительно, что процесс посткоммунистической трансформации получил и такое название «Революция» («Revolution»), как синтез терминов «реформа» и «революция» (Голдстоун, 2001, с. 117).

В настоящее время в научной литературе и международной практике утвердившимися являются термины «переходная экономика», «переходный период». С целью предотвра-

щения различий (например, переход от капиталистической экономики к социалистической в 20-х годах XX века в СССР (Бухарин, 1990) или переход от рынка к плану в конце 90-х прошлого и начале этого столетия (Антачак, Гужиньски, Козаржевски, 2001)) под данными терминами будем понимать переход от экономики с коммунистической ориентацией к рыночной (Папава, 2000, с. 63-66).

По прошествии более десяти лет со дня начала этого исторического процесса путем обобщения накопленного опыта (например, UNICEF, 2001) можно сделать ряд очень важных выводов о пройденном пути трансформирования экономики коммунистического типа в рыночную.

Несмотря на множество научных публикаций на тему переходного периода, общепринятого критерия его завершения пока нет, хотя формальное и к тому же «внешнее» наиболее простое решение данного вопроса как бы само напрашивается: если ЕС признает ту или иную страну с переходной экономикой, готовой ко вступлению в его состав, то, по всей видимости, следует признать, что в этой стране переходный период завершен, что функционирующая в ней экономическая система уже практически рыночная.

Как известно, принятие в состав ЕС большинства стран Восточной Европы и стран Балтии (Латвия, Литва, Эстония) практически является решенным, что в целом можно интерпретировать как завершение переходного периода, т.е. периода перехода к рынку. Иначе говоря, эти страны являются как бы «лидерами» успешного «прохождения» переходного периода. Условно эти страны в дальнейшем будем называть «лидерами».

В контексте данного исторического события на повестку дня встает вопрос об основных причинах затягивания переходного периода в странах – «нелидерах», а точнее в странах – «аутсайдерах».

Логика проблемы выглядит достаточно простой: если крах старой коммунистической системы практически был

одновременно начат в странах Восточной Европы и бывшего СССР, то из этого следует, что изначально вроде бы все они были поставлены в одинаковые условия и, следовательно, причиной «затягивания» переходного периода является искусственное замедление реформирования экономики и всего общества. Данный «всеобъемлющий» ответ сам содержит немало вопросов о причинах отмеченного искусственного замедления процессов реформирования.

Ключом понимания принципиальных проблем посткоммунистической трансформации в странах – «аутсайдерах» целесообразно проводить путем сравнительного сопоставления со странами – «лидерами».

2. Институты государственности

Крах коммунистических режимов в странах Восточной Европы и СССР, почти одновременный с этим развал последнего и возникновение пятнадцати независимых государств поставили на повестку дня новые проблемы, решение которых выходит за рамки тех, ставших уже классическими, схем, которые нарабатывались экономической наукой в течение всей предыдущей истории: экономическая наука оказалась практически бессильной дать теоретически обоснованные ответы на такие вопросы, как, каким образом можно было перейти от плановой к рыночной экономике (Stiglitz, 1996, p. 3; Becker, Becker, 1997, p. 259). Неудивительно, что этот процесс перехода, особенно на его начальном этапе, проходил известным методом «проб и ошибок».

На фоне «бессилия» экономической науки в отношении трансформационных процессов с самого начала переходного периода не была учтена одна очень важная особенность, связанная с наличием институтов государственности. В частности, в государствах, образовавшихся в результате развала федеративных образований – прежде всего СССР и СФРЮ – и не являющихся непосредственными правонаслед-

никами этих федеративных государств, отсутствовали институты государственности, в результате чего перед ними с самого начала переход к рынку осложнялся задачей построения этих институтов¹ (Balcerowicz, 1995, p. 146; Parava, 1996, p. 252; Milanovic, 1998, p. 3).

В таких условиях проведение экономических реформ по тем схемам, которые были рассчитаны на использование соответствующих институтов государственности в странах, где они в отсутствие были обречены на провал. По всей видимости, наиболее наглядным примером этого является фиаско начатой в 1992 году в Грузии «шоковой терапии» при отсутствии собственной валюты (Parava, 1996, 1999).

Преимуществом стран – «лидеров» по сравнению со странами – «аутсайдерами» было наличие институтов государственности, что значительно упрощало и тем самым ускоряло решение задачи перехода к рынку. Тем не менее этот фактор не может быть признан определяющим в затягивании перехода к рынку в странах – «аутсайдеров», ибо пример Хорватии, Словении и стран Балтии, которые так же, как и страны – «аутсайдеры» после приобретения независимости, не имели собственные институты государственности, опровергает тезис о принципиальной невозможности быстрого перехода к рынку в процессе создания этих институтов. Что же касается успеха Хорватии (например, Anušić, Rohatinski, Šonje and others (ed.), 1995) или стран Балтии (например, Valdivieso, 1998) в деле реформирования экономики и одновременно строительства институтов государственности, то это прежде всего объясняется целенаправленностью мер, предпринимаемых реформаторскими правитель-

---

¹ Значительно «упрощенным» представляется процесс перехода к рыночной экономике и строительства институтов государственности бывшей ГДР, так как ему предшествовал процесс объединения с Западной Германией (Барфус, 1995, сс. 58-66; Альбах, 1999; Derlien, 1999).

ствами этих стран (Sachs, 1995). Это в свою очередь объясняется т.н. человеческим фактором, о чем речь пойдет ниже.

3. Человеческий фактор

Человеческий фактор, как правило, имеет решающее значение практически в любом экономическом процессе. Характер и возможный успех экономических реформ в странах с переходной экономикой во многом зависят от поведения того человека, который находится в переходном процессе от сформировавшегося в условиях командной экономики «*homo soveticus*» (т.е. человека, подавленного государством и полностью зависимого от него) (например, Бузгалин, 1994, с. 250-253) к типу человека, характерного для рыночной системы – «*homo soveticus*» (т.е. человека, побудительными мотивами которого является получение максимальной полезности в домашнем хозяйстве и максимальной прибыли в фирме), с учетом всех изменений, которым подверглась эта категория в послесмитовской эпохе (Автономов, 1998, с. 57-201; Бункина, Семенов, 2000.).

Тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, квалифицирован нами как «*homo transformaticus*», т.е. человек, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существования за его счет, хотя в то же время он постепенно начинает действовать, исходя из своих частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли (Папава, 1999; Равава, 1996, 1999).

Из-за того, что в странах – «лидерах» коммунистические режимы властвовали практически вдвое меньше времени, чем в странах – «аутсайдерах», тип человека «*homo soveticus*» не успел в полной мере сформироваться; к тому же и «*homo soveticus*» не был полностью уничтожен, как это произошло в странах – «аутсайдерах» в конце 30-х годов прошлого столетия. Следовательно, «*homo transforma-*

ticus» в странах – «аутсайдерах» преобладали черты «*homo soveticus*»-а, в то время как в странах – «лидерах» – черты «*homo esopoticus*»-а. Именно этим и объясняется большая готовность «*homo transformaticus*»-а в странах – «лидерах» к переходу к рынку, чем в странах – «аутсайдерах».

В экономической деятельности «*homo transformaticus*» приобретает особенную форму, корни которой уходят в экономическую систему с коммунистической ориентацией, т.е. командную экономику.

Даже в условиях командной экономики рыночные механизмы (а точнее, ее отдельные элементы) все равно не были на сто процентов исключены. Она была настолько подавлена государством, что существовала лишь в «теневом» секторе (например, Шохин, 1989, с. 57-83). В условиях командной экономики ни один директор (за редким исключением) в принципе не мог так руководить предприятием, чтобы не нарушать законы, установленные существующим режимом, так что в отдельных случаях имело место использование элементов рыночной экономики и потому эта деятельность относилась к «теневому» сектору. Несмотря на это, такие директора в условиях командной экономики не стали и принципиально не могли стать предпринимателями рыночного типа, ибо их поведение было сковано политическим прессом существующего коммунистического режима. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что эти директора предприятий, использовавшие в своем поведении элементы рыночного типа, назывались не «предпринимателями», а «дельцами».

После крушения командной экономики бывшие дельцы в большинстве случаев сумели сохранить за собой места директоров в государственном секторе, а при их приватизации воспользовались т.н. правами трудовых коллективов и стали собственниками соответствующих предприятий (Ослунд, 1996) и независимо от того, занимали они менеджеров или нет, особенно на начальном этапе постпривати-

зационного периода, старались своим «мышлением дельца» управлять деятельностью этих предприятий.

Как «homo transformaticus» это еще не «homo economicus», так и бывшие дельцы вместе с крахом коммунистического режима не могли превратиться в предпринимателей. «Homo transformaticus» в предпринимательской сфере приобретает «титул» *постдельца* (из-за исключительно советского происхождения этого феномена и в английском целесообразно сохранить русское звучание – «Post-Delets») (Papava, Khaduri, 1997). Ценностная ориентация постдельцов мало чем отличается от ценностной ориентации их «предшественников» – дельцов (Сулаберидзе, 1998).

Именно постдельцы являются главной тормозящей силой экономических реформ в странах с переходной экономикой. В странах – «аутсайдерах» влияние постдельцов на принимаемые политические решения и является определяющим фактором «затягивания» переходного периода.

4. Некрозэкономика

Свержение коммунистического режима, крушение командной экономики на фоне мирового рынка «оголило» экономику посткоммунистических стран: за некоторым исключением (в частности, некоторых объектов гидроэнергетики, нефте- и газодобычи и первичной переработки сырья) продукция, произведенная в этих странах, из-за ее низкого качества или (и) дороговизны оказалась неконкурентоспособной по сравнению с международными стандартами. Рынка для такой продукции не существует и в принципе не может существовать. Экономику такого типа, по нашему мнению, можно назвать «мертвой», т.е. **некроекономикой** (по-гречески nekros – мертвый) (Папава, 2001; Papava, 2001, 2002).

Вышеотмеченный процесс «оголения» командной экономики можно охарактеризовать антонимом термину «инвестиция» – «дайвестицией» (Drucker, 1986; Taylor, 1988),

под которым понимается «снятие» с посткоммунистической экономики патологий «ошибочным путем развитой» («Misedeveloped») экономики (Lipowski, 1998), в результате чего, по нашему мнению, и формируется некроэкономика.

Естественно, что когда какая-то часть экономики «мертвая», то оставшаяся ее часть будет «жизнеспособной», которую условно назовем **витальной экономикой**, или **витаэкономикой** (по латыни *vita* – живой).

Главный вопрос, на который необходимо дать ответ, – что общего и чем различаются некроэкономика и витаэкономика?

В некроэкономике так же, как и в витаэкономике, можно производить продукт, т.е. практически может иметь место *предложение*, но в отличие от продукта, произведенного в витаэкономике, на продукт, произведенный в некроэкономике, из-за его некачественности или (и) дороговизны никакого *спроса* на него нет. Следовательно, некроэкономика исключает любой акт купли-продажи, по своей сути исключено существование и равновесной цены.

Если определенный сегмент экономики мертвый (т.е. невозможно его оживление), тогда в принципе и проблемы не должно быть: по здравому смыслу «мертвая» экономика не может иметь никакого влияния на ее «живую» часть.

В условиях рыночной экономики это именно так: неконкурентоспособное производство так «исчезает», что фактически не создает никакой проблемы для остальной части экономики. Именно этим можно объяснить «ограниченность» ареала исследований экономической теории проблемами рыночной экономики, ибо в ней некроэкономика как таковая в принципе отсутствует.

В корне отличается ситуация в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации. В них некроэкономика сформировалась на основе материально-технической базы бывшей командной экономики.

С целью раскрытия механизма взаимовлияния некроэкономики и витеэкономики посткоммунистическую экономику представим в следующем виде:

1. Некроэкономика в государственном секторе;
2. Витеэкономика в государственном секторе;
3. Приватизированная некроэкономика;
4. Приватизированная витеэкономика;
5. Витеэкономика, созданная новыми частными инвестициями.

В первую группу, как правило, входят по преимуществу крупные и средние объекты промышленности, которые, исходя из предназначения видов продукции, производимых в них, оценены как стратегические, хотя из-за ее неконкурентоспособности эти предприятия в условиях рынка являются «мертвыми».

Основой витеэкономики, находящейся в государственном секторе, являются предприятия преимущественно энергетики (прежде всего производство и передача электроэнергии, добыча и предложение нефти и газа), транспорта и связи. В случае их приватизации они переходят в четвертую группу – в приватизированную витеэкономику. Эта группа также может включать некоторые средние и преимущественно мелкие объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу входят предприятия из первой группы после их приватизации. Изменение формы собственности само по себе вовсе не означает задействование неработающих предприятий, ибо состояние «покойника» не меняется от того, чьим он является – государства или частной фирмы. Игнорирование этого факта и является основной причиной относительной дискредитации процесса приватизации, когда ей, особенно на ее начальной стадии, безотносительно и изолированно от процесса инвестирования вменялась функция задействования неработающих предприятий независимо от того, «живым» или «мертвым» было каждое конкретное предприятие в действительности.

Последняя, пятая, группа охватывает наиболее здоровую часть посткоммунистической экономики, которая является вновь созданной по принципам рыночной экономики за счет частных инвестиций. Несмотря на это, и в этой группе есть определенные проблемы, которые требуют соответствующего осмысления. В частности, дело касается некоторых иностранных инвестиций, за счет которых в посткоммунистических странах привлекаются не новейшие, а бывшие в употреблении, относительно устаревшие (точнее, морально устаревшие по мировым стандартам) технологии, которым, по нашему мнению, больше подходит название *«секонд хэнд инвестиций»* (*«secondhand shop»* по русскому аналогу – магазин подержанных вещей, или «комиссионка»); на их основе произведенная продукция конкурентоспособна только в рамках «возникающих рынков» (*«emerging markets»*) и то в ограниченном интервале времени – до проникновения на эти «рынки» конкурентоспособных по мировым стандартам товаров.

Следующий вопрос, который встает для обсуждения: что обуславливает стабильное существование некроэкономики в посткоммунистических странах?

Ответ на этот вопрос можно найти исходя из эволюционной теории экономических изменений (Nelson, Winter, 1982).

Основным «инструментом» этой теории является понятие «рутины» (*«routines»*), под которым подразумеваются сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют его (поведения) воспроизводство (Мюррел, 1994, с. 69). Необходимо отметить, что в русскоязычном переводе вместо термина «рутины» часто используется термин «стереотипы» (Мюррел, 1994, с. 69; Садыгов, 1999, с. 12-15).

Именно «рутины», сформировавшиеся в течение многих десятилетий в недрах командной экономики, и являются основным фактором того, что «заставляет» «мертвые» предприятия работать уже в несуществующем режиме команд-

ной экономики, в результате чего их склады заполнены неконкурентной продукцией, а из-за принципиальной невозможности ее реализации накапливаются безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим предприятиям. В результате создается запутанная сеть взаимной задолженности предприятий (Ослунд, 1996, с. 256-264).

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор в вышестоящих государственных органах (в руководящих структурах коммунистической партии, Госплана, министерстве финансов) ставил вопрос об их списании и, как правило, достигал цели. Исходя из этого, при условии существования практически неограниченной (точнее, гарантированной) возможности списания долгов их накопление не воспринималось как опасное для руководства предприятий. Данный механизм списания долгов является той закрепившейся «рутиной», которая, к сожалению, периодически проявляется в посткоммунистических странах в различных вариациях «налоговой амнистии» (например, Николаев, 2002; Шульга, 2002).

Первостепенное значение имеет то обстоятельство, что именно постдельцы стоят «за спиной» некроекономики как в государственном, так и частном секторе, именно они являются «инициаторами» поведения, соответствующего «рутине» командной экономики. Постдельцы, используя старые «связи», проникают в государственные структуры (как в парламент, так и в правительство) и своим влиянием стараются политически оправдать и продлить существование некроекономики.

Однозначно можно сказать, что некроекономика служит интересам постдельцов, и пока они не будут «замещены» на базе соответствующих институциональных реформ предпринимателями, некроекономика всегда будет иметь серьезную почву.

Явно отрицательное влияние некроэкономики на развитие стран – «аутсайдеров» не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо выявить и задействовать тот механизм, который решит проблемы «мертвых» предприятий в «автоматическом» режиме, характерном для рыночной экономики. Иными словами, данный механизм должен обеспечить повсеместное распространение рыночных принципов экономического устройства. Ключ к решению проблемы лежит в вышеупомянутой эволюционной теории экономических изменений.

Особого внимания со стороны государства требует пятая группа фирм посткоммунистической экономики – частный сектор, созданный исключительно за счет частных инвестиций. Государство должно содействовать ее укреплению и расширению, заботиться о создании той стабильной политической и макроэкономической среды, когда за счет частных инвестиций будут появляться новые фирмы. Нужно учитывать, что велика опасность формирования «рутины» в этой группе фирм.

Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счет повсеместного расширения пятой группы. Несмотря на естественную «непривлекательность» тех фирм из пятой группы, которые создавались за счет «секонд хэнд инвестиций», они в условиях существования надлежащей законодательной базы практически не могут стать источником создания некроэкономики, так как их (фирм) формирование происходит по принципам рыночной экономики, из-за чего соответствующая ей «рутина» при потере конкурентоспособности обеспечивает «уход» с арены фирмы, если она подчиняется рыночным механизмам.

Что же касается второй и четвертой групп, то независимо от того, принадлежит ли данное конкретное предприятие все еще государству или уже приватизировано, оно безотлагательно требует привлечения новых инвестиций за

счет продажи соответствующей доли собственности или по крайней мере путем передачи права управления на долгосрочный период стратегическому инвестору; в противном случае значительно возрастает вероятность того, что витаэкономика из второй и четвертой групп перерастет в некроэкономику, соответственно в первой и третьей группах.

Как отмечалось выше, приватизация сама по себе вовсе не приводит к уничтожению некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытого международного тендера с целью выявления стратегического инвестора, которому конкретный «мертвый» объект (а точнее, право начать соответствующее стратегическое для данной страны производство в стенах «мертвого» объекта) будет передан с правом управления на долгосрочной основе. Не исключено, что этот шаг может оказаться для стратегического инвестора недостаточным, и тогда государству необходимо пойти на приватизацию данного объекта, даже при символической цене, ибо «мертвое» предприятие дорого стоить не может.

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некроэкономики.

Единственной правильной оценкой подавляющей части материально-технической базы некроэкономики является то, что это не что иное, как металлолом. Следовательно, уничтожение (в прямом смысле) некроэкономики возможно путем непосредственной продажи металлолома, в том числе путем экспорта, ибо этот экспорт его (металлолома) владельцу даст доход в твердой валюте, что в принципе может быть использовано для создания витаэкономики.

«Рутина», соответствующая командной экономике, сохраняется, т.к. тормозится признание того факта, что «мертвые» машины и оборудование – это всего лишь металлолом. Отсутствие этого признания мешает (а порой и побуждает зап-

решать) торговать им (тем более это касается его экспорта). В итоге продлевается существование некроэкономики.

Теоретически ясно, что действенный механизм уничтожения некроэкономики непосредственно связан с законодательством о банкротстве. Пример Грузии показывает, что хотя в стране закон о банкротстве, проект которого был подготовлен иностранными экспертами на основе обобщения мирового опыта, был утвержден парламентом несколько лет тому назад, к сожалению, он оказался «мертвоорожденным», т.е. «некрозаконом», ни одно фактически обанкротившееся предприятие в Грузии не обанкротилось юридически. Объясняется это тем, что этот закон не «вписался» в существующие в стране институты.

То, что происходит с законом о банкротстве в Грузии, является наглядным подтверждением того, что новые институты в посткоммунистических странах, созданные под давлением международных финансовых институтов по западным образцам путем сознательной непосредственной имитации западных оригиналов (Шаванс, Маньян, 1999), зачастую нежизнеспособны, а в худшем случае могут инициировать и негативные эффекты. Здесь уместно вспомнить, что Международный валютный фонд часто подвергается справедливой критике по поводу форсированного и в то же время упрощенного подхода к институциональным реформам, в результате чего страдает процесс утверждения рыночной экономики (Стиглиц, 1999; Stiglitz, 1999).

Уничтожение некроэкономики возможно исключительно путем создания институтов, способствующих процессу посткоммунистической трансформации. То, что страны – «лидеры» признаны ЕС практически готовыми к принятию в свой состав, в принципе свидетельствует об отсутствии в этих странах некроэкономики. Что же касается стран – «аутсайдеров», то главной причиной затягивания перехода к рынку является некроэкономика, которая и создает экономическую основу *посткоммунистического капитализма*.

■ Литература

- Автономов В.С., 1996. Политическая экономика переходного периода. *Мировая экономика и международные отношения*, № 9.
- Автономов В.С., 1998. *Модель человека в экономической науке*. Санкт-Петербург, Экономическая школа.
- Альбах Х., 1999. Цветущие ландшафты? К исследованию трансформационных процессов. В кн.: *Проблемы трансформации и перехода к регулируемой рыночной экономике*. Под ред. Э. Н. Крылатых, В. В. Герасименко, В. К. Фальцмана. Москва, ТЕИС.
- Антачак Р., Гужиньски М., Козаржевски П., 2001. *Экономика Беларуси от рынка к плану*. Том II. Варшава, ЦЭИ.
- Барфус К., 1995. История экономики Германии после Второй мировой войны. В кн.: *Менеджмент и рынок: германская модель*. Под ред. У. Рора и С. Долгова. Москва, БЕК.
- Бузгалин А.В., 1994. *Переходная экономика: курс лекций по политической экономии*. Москва, Таурус.
- Бункина М.К., Семенов А.М., 2000. *Экономический человек*. Москва, Дело.
- Бухарин Н.И., 1990. Экономика переходного периода. В кн.: *Н.И. Бухарин. Избранные произведения*. Москва, Экономика.
- Голдстоун Дж., 2001. Теории революции, революции 1989–1991 годов и траектория развития «новой» России. *Вопросы экономики*, № 1.
- Мюррел П., 1994. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством. В кн.: *Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы*. Под ред. Н. А. Махашевой. Москва, РГГУ.
- Николаев И., 2002. Перспективы налоговой амнистии в России. *Общество и экономика*, № 6.
- Ослунд А., 1996А. «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике. *Вопросы экономики*, № 8.
- Ослунд А., 1996Б. *Россия: рождение рыночной экономики*. Москва, Республика.
- Папава В., 1999. Доктрина рыночного равенства: вопросы теории и ее приложения к процессу посткоммунистической трансформации. *Общество и экономика*, № 12.
- Папава В., 2000. О теории посткоммунистической трансформации экономики. *Общество и экономика*, № 7.
- Папава В., 2001. Некрозэкономика – феномен посткоммунистического переходного периода. *Общество и экономика*, № 5.
- Садыгов Ш. М., 1999. *Макроэкономическое управление и магистральные модели*. Баку, Элм.
- Стиглиц Дж., 1999. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). *Вопросы экономики*, № 7.
- Сулаберидзе А., 1998. Особенности ценностных ориентаций руководителей предприятий Грузии в условиях экономической реформы. *Общество и экономика*, № 4–5.
- Шаванс Б., Маньян Э., 1999. Постсоциалистические траектории и западный капитализм. *Мировая экономика и международные отношения*, № 12.
- Шохин А. Н., 1989. *Социальные проблемы перестройки*. Москва, Экономика.
- Шульга И., 2002. Опыт налоговой амнистии в Казахстане. *Общество и экономика*, № 6.
- Anušić Z., Rohatinski Ž., Šonje V. and others (ed.), 1995. *A Road to Low Inflation. Croatia 1993/1994*. Zagreb, The Government of the Republic of Croatia.
- Balcerowicz L., 1995. *Socialism, Capitalism, Transformation*. Budapest, CEU.

- Becker G.S., Becker G.N., 1997. *The Economics of Life. From Baseball to Affirmative Action to Immigration, How Real World Issues Affect Our Everyday Life*. New York, McGrawHill.
- Berend I.T., 1994. End of Century Global Transition to a Market Economy: Laissez-Faire on the Peripheries? In: *Transition to a Market Economy at the End of the 20th Century*. Eleventh International Economic History Congress, session A-3, September 12-17, 1994, Milan, Italy. Ed. by I. T. Berend. Мюнхен, Sudeseuropa – Ges.
- Derlien H.-U., 1999. The Triple Revolution: Administrative Transformation in the Former GDR. In: *Nunberg B. The State After Communism: Administrative Transition in Central and Eastern Europe*. Washington, The World Bank.
- Drucker P.F., 1986. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. New York.
- Fischer S., Frankel J., 1992. Macroeconomic Issues of Soviet Reform. *American Economic Review*, Vol. 82, May.
- Lipowski A., 1998. *Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994*. Warsaw. Adam Smith Research Center, Center for Social and Economic Research.
- Milanovic B., 1998. *Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*. Washington, The World Bank.
- Nelson R.R., Winter S.G., 1982. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press.
- Papava V., 1996. The Georgian Economy: From «Shock Therapy» to «Social Promotion». *Communist Economies & Economic Transformation*, Vol. 8, No. 3.
- Papava V., 1999. The Georgian Economy: Main Directions and Initial Results of Reforms. In: *Systemic Change in Post-Communist Economies*. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Ed. by P. G. Hare. London, Macmillan Press.
- Papava V., 2001. Necroeconomics – A Phenomenon of the Post-Communist Transition Period. *Problems of Economic Transition*, Vol. 44, No. 8.
- Papava V., 2002. Necroeconomics – the Theory of Post-Communist Transformation of an Economy. *International Journal of Social Economics*, Vol. 29, No. 9-10.
- Papava V., Khaduri N., 1997. On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An Institutional Analysis. *Problems of Economic Transition*, Vol. 40, No. 6.
- Sachs J., 1992. Privatization in Russia: Some Lessons from Eastern Europe. *American Economic Review*, Vol. 82, May.
- Sachs J., 1995. *Reforms in Eastern Europe and the Former Soviet Union in Light of the East Asian Experiences*. Studies & Analyses 39. Warsaw, CASE.
- Stiglitz J.E., 1992. Another Century of Economic Science. In: *The Future of Economics*. Ed. by J.D.Hey. Oxford, Blackwell.
- Stiglitz J.E., 1996. *Whither Socialism?* Cambridge, The MIT Press.
- Stiglitz J.E., 1999. *Whither Reform? Ten Years of the Transition*. Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30, 1999. Washington, The World Bank.
- Taylor M. L., 1988. *Divesting Business Units*. Toronto.
- UNICEF, 2001. *A Decade of Transition. The MONEE Project CEE/CIS/Baltics*. Regional Monitoring Report No. 8 – 2001. Florence, United Nations Children's Fund Innocenti Research Centre.
- Valdivieso L.M., 1998. *Macroeconomic Developments in the Baltics, Russia, and Other Countries of the Former Soviet Union, 1992-97*. Occasional Paper 175. Washington, IMF.